

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Книга 10

«СПЛИТ ОРЛОВА»

БОГ до...

Кирилл Попов

12+

Кирилл Попов

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 10: «СПЛИТ ОРЛОВА» БОГ до...

<https://litres.ru/74517903>

SelfPub; 2026

Аннотация

2071-2082 год.

Генерал Орлов — архитектор системы контроля над эмоциями — исчезает. Никто не знает, что он отправился туда, где не достают системы слежения: в низину у подножия единственной горы на плоской, белой, соляной пустыне. Там, где соль помнит всё.

Он строит лабораторию, которой не существует на картах. Он пытается обмануть смерть и стать бессмертным — но совершает ошибку, которую невозможно исправить. Его цифровой отпечаток заражён чужими чувствами, и то, что должно было стать вечным разумом, превращается в нечто непредсказуемое.

Тем временем Марк — тот, кого считали погибшим — чувствует: внутри сети «Омега» появилось нечто чужеродное, нестабильное, опасное. И он единственный, кто понимает, что произошло. Но цена правды может оказаться слишком высокой — для него и для его детей, Тима и Лизы.

Содержание

Глава 1. Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кирилл Попов

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.

Книга 10: «СПЛИТ ОРЛОВА» БОГ до...

Глава 1. Пролог

Когда Земля была молода и горяча, когда континенты ещё не знали своих имён и дрейфовали по мантии, как льдины по весенней реке, на месте будущей Прикаспийской низменности раскинулся океан. Не тот океан, что мы знаем, — не Атлантика и не Тихий, а древний, первозданный Тетис, разделявший два сверхконтинента, как трещина разделяет костяшку домино. Его воды были тёплыми, почти горячими, и жизнь в них кипела — невидимая, микроскопическая, но уже упрямая, уже жадная до света.

Тетис не знал, что умрёт. Он не знал, что континенты сожмутся, что морское дно вздыбится горами, что вода уйдёт в небо и в землю, оставив после себя лишь белые следы на теле камня. Он просто жил — как живёт всё, что не знает своего конца.

Но соль знала.

Соль — первый минерал, который научился помнить. Не так, как помнит человек: образами, словами, чувствами. Соль помнит иначе — структурой. Каждый кристалл, вырастая из рассола, вплавляет в свою решётку всё, что окружает его в момент рождения: температуру воды, давление атмосферы, следы микроорганизмов, химический состав среды. Кристалл соли — это фотография момента, запечатлённая в геометрии атомов. Удалите его — и вы разрушите воспоминание. Оставьте — и оно проживёт дольше, чем любая цивилизация.

Тетис испарялся. Жаркое солнце пермского периода выпивало воду слой за слоем, и каждый раз, когда вода уходила, на дне оставалась соль — тонкая, хрупкая плёнка, которая росла, уплотнялась, кристаллизовалась. Море возвращалось — и снова уходило. Миллионы раз. И каждый уход оставлял ещё один слой. Ещё одну страницу. Ещё одно воспоминание.

Так писалась первая книга Земли — не чернилами, а кристаллами.

Двести шестьдесят миллионов лет — срок, который невозможно представить. Если сжать его до одного дня, то весь человеческий род уложится в последнюю секунду перед полуночью. А соль лежала под землёй все двадцать четыре часа.

Когда пермское море ушло окончательно, оно не просто исчезло. Оно спряталось. Новые осадки — пески, глины, известняки — накрывали соляные пласты, слой за слоем, как

одеяло накрывает спящего. Километр за километром. Тысяча метров. Две. Три. Пять. Соль оказалась погребённой на глубине, куда не доходил ни свет, ни звук, ни ветер. Там, в абсолютной темноте, под тяжестью многокилометровой толщи, она лежала — неподвижная, плотная, будто мёртвая.

Но она не была мёртвой. Она ждала.

Под давлением, в условиях, которые превратили бы любой другой минерал в трещины и пыль, соль вела себя иначе. Она становилась пластичной. Не жидкой — текучей. Разница тонкая, но критическая: жидкость теряет форму, а текучее тело помнит её и стремится вернуть. Соль под толщей породы помнила форму моря. И она начала двигаться.

Это движение — самое медленное из всех, что знает геология. Миллиметр в год. Метр за тысячу лет. Километр за миллион. Но в масштабах вечности медленность — не слабость, а сила. Тот, кто торопится, выдыхает. Тот, кто ждёт, побеждает.

Соль поднималась.

Она поднималась не равномерно, а сгустками — там, где порода над ней была слабее, где трещины давали направление, где давление снизу превышало сопротивление сверху. Так формировались диапиры — соляные купола, огромные столбы кристаллической соли, выдавливаемые из недр, как смола выдавливается из дерева. На Прикаспийской низменности их было более тысячи — невидимых, скрытых, таящихся под поверхностью, как подводные мины в геологиче-

ском времени.

Но один из них — самый упрямый, самый древний, самый настойчивый — пробился.

Сначала он поднял породу над собой. Песчаники треснули, известняки разломились, глины пошли складками, будто ткань под иглой швеи. Потом он вынес их наверх — палеозойские и мезозойские отложения возрастом более двухсот миллионов лет, — и они легли на его вершине, как доспех на теле воина. Красновато-бурые, изъеденные ветром, опалённые солнцем, они стали лицом горы. А внутри осталось ядро — чистая, белая, древняя соль.

Гора получила имя. Богдо — «большая священная» — так её называли племена, кочевавшие по этим степям. Они не знали геологии. Не знали о пермском море, о диапирах, о соляной тектонике. Но они чувствовали: это место — иное. Гора, которая растёт. Гора, которая поёт в трещинах на ветру. Гора, которая стоит посреди абсолютно плоской степи, будто кто-то намеренно поставил её здесь — как маяк, как знак, как предупреждение.

Они были правы.

А там, откуда соль ушла, образовалась пустота. Это закон физики: если что-то убрать снизу, верхнее рухнет. Соляной купол, поднимаясь, оставил за собой компенсационную впадину — мульду. Земля над ней просела, как лёд, из которого вытащили камень, и в эту впадину пришла вода.

Но не простая вода. Вода, которая просачивалась через

соляные пласты, растворяла их и несла с собой, — густая, тяжёлая, насыщенная хлоридом натрия. Солёность её была очень высока — в семнадцать раз солонее Чёрного моря. Она была не столько водой, сколько жидкой солью.

Озеро легло на отметке минус двадцать один метр относительно уровня океана — одна из самых низких точек Земли. Плоское, белое, ослепительное, оно лежало перед горой, как раскрытая ладонь, подставленная небу. И между ними — озером и горой — была связь. Не географическая, а генетическая: одно родилось из другого. Гора поднялась — озеро легло. Соль ушла вверх — пустота заполнилась внизу. Это был единый процесс, два конца одного движения, вдох и выдох геологического организма.

Баскунчак. Так называли озеро. Имя, которое, возможно, происходит от древнего «бассын» — давить, нажимать. Давящее озеро. Озеро, которое возникло от давления снизу. Озеро, которое было отрицательным отпечатком горы.

Но история не закончилась. Она не заканчивается до сих пор.

Гора Богдо растёт — по миллиметру в год. Это значит, что за время существования человеческой цивилизации — скажем, за шесть тысяч лет от первых городов до сегодняшнего дня — она поднялась на шесть метров. Шесть метров. Два этажа здания. Тихо, незаметно, без потрясений и катастроф, гора продолжает выдавливать себя из недр, как будто не может остановиться, как будто движение это — не процесс, а

потребность.

А озеро Баскунчак дышит. Десятки соляных родников бьют по его периметру, ежедневно принося миллионы литров насыщенной воды. Жара испаряет влагу — соль кристаллизуется на дне, наращивая пласт по несколько сантиметров в год. Каждый год озеро добавляет к своей массе тысячи тонн соли. Каждый год оно обновляет себя — не заменяя, а наплаивая. Новая соль ложится на старую, как новый день ложится на прошлый, и оба остаются — оба помнят.

Это не мёртвый ландшафт. Это живой организм, у которого есть дыхание (испарение), кровообращение (родники), рост (гора) и обновление (кристаллизация). Организм, который существует уже двести шестьдесят миллионов лет и не собирается останавливаться.

Гора и озеро — две части одного механизма. Гора поднимает — озеро заполняет. Гора отдаёт — озеро принимает. Гора растёт вверх — озеро растёт вниз. Они — вечный двигатель, созданный не человеком, а планетой. Двигатель, который работает не на топливе, а на времени. Каждая секунда этого двигателя — ещё один кристалл, ещё одно воспоминание, ещё одна страница в книге, которую пишет соль.

И вот что поразительно: соль не просто хранит — она децентрализует.

Каждый кристалл в соляном пласте независим от других. У каждого — своя решётка, своё время рождения, свой набор воспоминаний. Они не объединены в единую структуру

— они существуют как миллиарды отдельных ячеек памяти, каждая из которых хранит свой фрагмент истории. Уничтожьте одну — и утрачен лишь один фрагмент. Остальные остаются. Это не библиотека, где пожар уничтожает всё разом. Это сеть — распределённая, децентрализованная, устойчивая к потере любого количества узлов.

Двести шестьдесят миллионов лет истории — не в одном камне, а в триллионах кристаллов, каждый из которых помнит свой момент. История не сконцентрирована — она рассеяна. Не уязвима — а защищена самой своей распределённостью.

И этот процесс — захоронение и подъём, хранение и обнажение — продолжается. Соль прячет воспоминания в глубине, а потом выносит их наружу, на поверхность, напоказ. Гора Богдо — это соляной купол, который поднял к свету породы, лежавшие во тьме двести миллионов лет. Озеро — это зеркало, которое каждый день показывает миру новую порцию кристаллов, рождённых из рассола. Мир получает их не сразу, а порциями — по мере того, как гора растёт и озеро кристаллизует. Словно организм, который не выдаёт все секреты разом, а раскрывает их медленно, век за веком, позволяя тому, кто смотрит, увидеть ровно столько, сколько он способен понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.